

Александр Гарцев

Я ТВОЙ СЫН

Книга первая

18+

Александр Гарцев

Я твой сын

«Автор»

2026

Гарцев А.

Я твой сын / А. Гарцев — «Автор», 2026

Семейная сага в четырёх книгах «Я твой сын» — это эпическое полотно писателя Александра Гарцева в четырех книгах. Семейная сага, повествование, охватывающее несколько десятков лет. Это рассказ о человеке, который всю жизнь бежал от себя, от любви, от ответственности, но так и не смог убежать от прошлого. История Алексея Вожгалова, молодого рабочего военного завода, чья жизнь распадается на осколки после одного неверного шага, охватывает четыре десятилетия — с победного 1945-го до застойного 1983-го. Это роман о предательстве и искуплении, о любви, которая не умирает даже после смерти, и о детях, которые платят за ошибки отцов.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Глава 1. Вятский ветер	8
Глава 2. Электрик	12
Глава 3. Доска	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Гарцев

Я твой сын

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно

Автор.

От автора

Закончив эту историю, я долго сидел в тишине.

За окном шумел ветер, где-то вдалеке слышался гудок поезда, и мне казалось, что я всё ещё слышу стук колёс, уносящих героя в его бесконечное путешествие — от себя, к себе, от любви, к любви, от жизни, к окончанию романа.

Я думал о том, что мы, люди, умеем удивительно легко обманывать себя.

Мы убеждаем себя, что время лечит, что прошлое можно оставить позади, что новый день — это новая жизнь.

Но прошлое никогда не уходит. Оно ждёт. Оно терпеливо, как волк в засаде, и наносит удар в самый неожиданный момент.

Герой моей истории бежал всю жизнь.

Он бежал от ответственности, от любви, от себя самого.

Он думал, что можно начать сначала, оставив всё за спиной. Но, как писал Фёдор Достоевский, «каждый из нас перед всеми за всех виноват».

Вина моего героя была не в одном поступке — она была в том, что он не осознавал своей вины, пока не стало слишком поздно.

Он жил во лжи, которую сам себе создал, и эта ложь стала его тюрьмой.

Письма, которые он получал, были написаны чужой рукой. Он верил в них, потому что хотел верить. Ему было легче думать, что его семья счастлива без него, чем признать, что он их предал.

Это удивительная человеческая способность — убеждать себя в том, что нам удобно.

Мы создаём мифы о своей жизни, чтобы не смотреть правде в глаза.

Но правда всегда настигает нас. И когда она приходит, она приходит не как освобождение, а как приговор.

Когда герой узнал правду, он не выдержал. Он не просил прощения — он принял свою вину. И в этом принятии было что-то, что напомнило мне слова Альбера Камю: «В глубине зимы я понял, что во мне есть неистребимое лето. Но прощение — это не то, что можно получить от других. Его можно найти только внутри себя».

Я думаю о сыне, который пришёл к отцу, чтобы отомстить, а вместо этого нашёл себя стоящим у двух крестов. Он не простил. Он сказал: «Я не могу тебя простить. Но я могу понять».

Это, наверное, самое честное, что можно сказать.

Мы не всегда можем простить. Иногда мы можем только понять.

И этого достаточно. Достаточно, чтобы закрыть круг.

Достаточно, чтобы отпустить.

Как писал Лев Толстой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Несчастье моего героя было в том, что он не умел любить. Он боялся любви. Он боялся, что не справится, что разочарует, что его не примут. И он бежал. Но любовь не прощает побегов. Она ждёт. Она терпелива. И когда он наконец пришёл к ней, было уже поздно.

Это история о том, что мы несём ответственность за свои поступки — не только перед другими, но и перед собой. Мы не можем спрятаться от своей совести за километрами, годами или новыми семьями. Она всегда с нами. Она ждёт. И в конце концов она требует расплаты.

Современный психолог Ирвин Ялом писал, что «человек должен научиться жить с тем, что он не может изменить». Но это не значит, что мы не должны пытаться. Это значит, что мы должны принять свои ошибки и жить с ними. Не убегать. Не прятаться. А жить.

Герой моей истории не научился этому. Он убегал до самого конца.

Я не знаю, простил ли он себя. Может быть, нет. Может быть, он просто устал. Но я знаю одно: история эта — не о героях и злодеях. Она о нас. О нашей слабости и о нашей силе. О том, как мы учимся прощать — и как часто прощаем себя слишком поздно.

Но может быть, именно в этом и есть наша общая человеческая история — мы все немного бежим от себя. Не от других. От нас самих.

Глава 1. Вятский ветер

Июль 1945 года

Поезд тащился медленно, как старый больной. Алексей сидел у окна в общем вагоне, прижавшись щекой к холодному стеклу, и смотрел, как за окном проплывают бесконечные леса, болота и редкие деревеньки с почерневшими от времени избами. Он ехал уже третьи сутки — от самой Юрьи, через Котельнич, через Киров, а теперь вот и Красноярск, кажется, скоро.

В вагоне пахло махоркой, прелыми портянками и кислым хлебом. Напротив сидел молодой солдат без руки, с пустым рукавом, засученным и заколотым булавкой. Солдат смотрел в одну точку и молчал. Алексей хотел спросить его, откуда тот, с какого фронта, но язык не поворачивался. Он вообще не знал, как говорить с фронтовиками. В его деревне таких было двое — дядя Коля, который вернулся без ноги, и сосед Степан, у которого всё лицо было в шрамах. Они тоже молчали. Пили самогон и молчали.

Алексей снова отвернулся к окну.

Мать плакала, когда провожала. Она стояла на перроне в Юрье, маленькая, сухая, в черном платке, и крестила его вслед. «Пиши, Лешенька, — шептала она, — пиши, не забывай. Анна-то тебя пристроит, она у нас заботливая. Ты её слушай, она старшая...» Он кивал, прижимал к груди узелок с сухарями и салом, которое мать завернула в чистую тряпицу, и думал о том, что уезжает навсегда.

Отец погиб в сорок втором. Где — не знали. Похоронка пришла на деревню, где было написано просто: «Пропал без вести». Мать ждала его три года, до самой Победы, но так и не дождалась. И вот теперь, через три года после отцовской гибели, она отправляла второго сына в город, на завод, потому что сама уже не могла прокормить его. Картошка, огороды, корова — всё это держалось на ней одной, а годы брали своё. У неё болела спина, руки тряслись, и она боялась, что не сможет дать ему достойную жизнь.

— Анна тебя пристроит, — повторяла она, и в голосе её звучала вера. — Она у нас такая... такая заводская. Она тебя не бросит.

Алексей не знал, верить ли. Он почти не помнил Анну. Она уехала в сорок первом, в самую страшную осень, когда немцы под Москвой стояли. Ей тогда было восемнадцать, и она ушла добровольцем, потому что на заводе нужны были рабочие. Потом она приезжала пару раз — в сорок втором, после похоронки, и в сорок четвёртом, на один день. Он помнил её резкой, строгой, с короткими стриженными волосами и грубыми ладонями. Она обнимала мать, говорила о работе, о каких-то планах, а на Алексея смотрела с какой-то тревогой, словно прикидывая, что из него можно слепить.

«Высокий, — говорила она тогда, — и плечистый. Хорош будет. На заводе руки нужны».

И вот теперь он ехал к ней. К сестре, которую почти не знал, в город, который видел только на картинках в школьном учебнике. За окном мелькали семафоры, стрелки, деревянные будки стрелочников. Поезд замедлял ход.

Красноярск.

Алексей прижался к стеклу и вгляделся в пейзаж, открывающийся за окном. Сначала — серые бараки, низкие, с облупившейся краской. Потом — высокий кирпичный забор, увитый колючей проволокой, и за ним — огромные корпуса, из которых валил густой дым. Завод. Не просто завод — комбинат. Трубы, вышки, цистерны. Всё это двигалось, гудело, дышало. Алексей почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он никогда не видел ничего подобного.

Поезд остановился. Вокзал был маленький, деревянный, с покосившимся навесом. Пассажиры хлынули на перрон — солдаты, женщины с детьми, старики в изношенных пальто. Алексей взял свой мешок, сунул под мышку и вышел.

Вокзал кишел народом. У стен стояли носилки с ранеными — человек пять, с бинтами на головах, с пустыми рукавами. Санитарки в белых халатах бегали между ними с кружками и кусками хлеба. Алексей замер на мгновение, глядя на них. Один из раненых, парень его лет, с белыми, как снег, волосами, смотрел на него пустыми глазами и не моргал. Алексею стало не по себе. Он быстро отвернулся.

И тут он увидел её.

Анна стояла у входа, высокая, плотная, в сером плаще и сапогах. Она была точно такой же, какой он запомнил её — крепкая, уверенная, с карими цепкими глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Она держала руки в карманах и смотрела на выходящих пассажиров. Когда взгляд её упал на Алексея, она не улыбнулась — она кивнула, словно подтверждая что-то самой себе.

— Леха! — крикнула она через шум вокзала. — Леха, сюда!

Он пошёл к ней, чувствуя, как колотится сердце. Она подхватила его мешок, оценила вес и фыркнула:

— Мать опять сухарей напихала? Знаю я её. Ну, ничего, не пропадут. Пойдём, нечего тут стоять.

Она развернулась и зашагала быстрым шагом, так что ему пришлось почти бежать за ней. Люди расступались перед ней — какая-то старуха с корзиной посторонилась, молодой солдат приподнял фуражку. Анна шла, не оглядываясь, и Алексей вдруг почувствовал странное ощущение: он будто попал под крыло большой, сильной птицы, которая знает, куда лететь.

— Как мать? — спросила она на ходу, не оборачиваясь.

— Да... ничего, — ответил Алексей, спотыкаясь о рельс. — Болеет. Спина...

— Я знаю, — резко сказала она. — Я ей деньги посылала. Да только она не берёт, гордая. Ты ей скажи — пусть берёт. Нечего себя мучить.

Алексей молчал. Что он мог сказать? Анна остановилась, повернулась к нему и оглядела его с ног до головы, как новобранца. Взгляд её скользил по его лицу, по фигуре, по рукам. Она взяла его за плечи, развернула, заставила расправить спину.

— Не сутулься, — приказала она. — Ты мужчина, а не вялый мешок. Высокий парень, плечистый — видный будешь. А это на заводе ценят. Иди прямо.

Он выпрямился, чувствуя себя неловко. Она заглянула ему в глаза, и в её взгляде он увидел что-то материнское — то, чего не было в ней, когда она командовала. Она коснулась его щеки рукой — грубой, мозолистой — и убрала волосы со лба.

— Хороший, — сказала она тихо. — Мать говорила, ты скромный. Это хорошо. Скромность на заводе не помешает. Но и за себя постоять надо. Ты понял?

— Понял, — ответил он, и голос его прозвучал глухо.

Она снова развернулась и пошла дальше, уже чуть медленнее. Они вышли на площадь перед вокзалом. Здесь было грязно, воняло мазутом и прелой листвой. Вдоль дороги стояли грузовики, какие-то телеги. Вдали, над крышами, поднимались трубы завода, и оттуда валил чёрный дым.

— Война, — сказала Анна, кивая на трубы. — Кончилась, а работать не перестали. Как в войну работали — так и теперь. Дисциплина, Леха, железная. За опоздание — трибунал. Это не деревенский совхоз. Понял?

— Понял, — повторил он, и в голосе его прозвучало больше уверенности.

— Я тебя учеником электрика устроила, — продолжала она. — Будешь у Ефима Ильича в цехе номер пять. Он мужик старый, большевик, строгий, но справедливый. Ты его слушай и не перечь. Если он скажет «стоять», значит, стоять. Если «прыгать» — прыгай. И без глупостей.

Она бросила на него короткий взгляд.

— И девок не трогай.

Алексей покраснел. Девки... Он действительно почти не знал их. В его деревне были девушки, но все они, казалось, смотрели на него как на мальчишку. Он был высоким, но неуклюжим, прятал глаза, и они смеялись над ним. Он не умел говорить с ними, не знал, о чём шутить, как подходить. Все эти ухаживания были для него чем-то чужим, сложным.

— Ну что ты краснеешь, как девица? — усмехнулась Анна. — Я ж не говорю, что нельзя. Я говорю: не лезь в серьёзное. Ты ещё мальчик. Работать надо, головой думать. А баб — здесь целые цеха. Придёт время — найдёшь себе хорошую. А пока — работай.

Они подошли к двухэтажному деревянному дому, обшарпанному, с покосившимся крыльцом. Окна были выкрашены в синий цвет, но краска облупилась, и стёкла пыльные. Анна достала из кармана большой ключ, открыла дверь.

— Моя комната, — сказала она, пропуская его вперёд. — Третья, на втором этаже. Пока поживёшь у меня, а там — устроим.

Они поднялись по скрипучей лестнице. В коридоре пахло щами, картошкой и сыростью. Анна открыла дверь, и Алексей увидел маленькую, но чистую комнату. Стол, железная кровать, покрытая серым одеялом, тумбочка с кружкой и чайником, газетные вырезки на стенах. На подоконнике стояла герань — единственное живое пятно в этой серости.

— Вот, — сказала Анна. — Садись. Чай пить будем.

Она поставила чайник, зажгла керосинку. Алексей присел на стул, положил мешок на пол и огляделся. В комнате было тепло, несмотря на сырость за окном. Он вдруг почувствовал, как усталость навалилась на него — все три дня в поезде, волнение, переживания.

— Ты не бойся, — сказала Анна, ставя на стол кружки. — Мы с тобой справимся. Я здесь уже четыре года. Всё знаю, все ходы и выходы. Ты только слушайся меня, и всё будет хорошо.

Она села напротив него и налила чай — тёмный, душистый, с листом смородины. Алексей взял кружку, обжёгся и поставил обратно.

— Война кончилась, — сказала Анна и посмотрела в окно, туда, где виднелись трубы. — Ты, Леха, наверное, думаешь — всё, теперь жизнь начнётся. А я тебе скажу: будет трудно. Будут люди, которые на тебя косо посмотрят, будут такие, кто нож в спину воткнёт. Но ты держись. Мы — Вожгаловы. Мы — из Юрьи. Нас не сломаешь.

Она взяла его руку — грубую, но ещё не обветренную — и сжала её.

— Мы с тобой одни теперь, — тихо сказала она. — Мать там, в деревне. А мы — здесь. Нам — только друг на друга надеяться.

Алексей почувствовал, как горло перехватило от этих слов. Ему хотелось сказать ей что-то важное, что-то благодарное, но он только кивнул и сжал губы.

— Я не подведу, — сказал он, наконец, и в голосе его прозвучала неожиданная твёрдость. — Я справлюсь.

Анна улыбнулась — впервые за весь день — и отпустила его руку.

— Верю, — сказала она. — А теперь — завтра на завод. Привыкай, Леха. Здесь твоя жизнь теперь.

Он кивнул, взял кружку, и они пили чай в тишине, слушая, как за окном шумит ветер, принося с собой запах дыма и мазута, и в этом запахе было что-то новое, незнакомое, но обещающее.

И в тот момент Алексей вдруг понял, что самое страшное позади. Он приехал. Он был здесь. Впереди — работа, цех, станки, люди. Впереди — неизвестность, но эта неизвестность уже не казалась ему пугающей. Потому что рядом была Анна. Её грубые руки, её твёрдый взгляд, её уверенность — всё это говорило ему: ты не один.

И он поверил в это.

Ночь опускалась на Красноярск. За окном зажглись редкие огни — заводские, вокзальные. Где-то далеко слышался гудок паровоза. Алексей лёг на кровать, накрылся серым одея-

лом и закрыл глаза. Ему снились рельсы, лес, мать, что крестит его на перроне, и голос Анны, который звучал уверенно и властно: «Мы — Вожгаловы. Нас не сломаешь».

И он верил ей.

Глава 2. Электрик

Август 1945 года

Утром Алексей проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза — над ним стояла Анна, уже одетая, в сером плаще и сапогах, с завязанным платком. В руке она держала кружку с горячим чаем и кусок хлеба.

— Вставай, соня, — сказала она строго. — Через час смена. Умывайся, завтракай. Ты, главное, не опоздай. С первого дня.

Алексей сел на кровати, потёр глаза. Было ещё темно, только за окном серый рассвет пробивался через занавески. Он быстро умылся холодной водой из ведра, выпил чай, проглотил хлеб и надел рубашку, которую мать зашила перед отъездом. Анна оглядела его, поправила воротник, что-то буркнула про «нескладуху» и вывела его на улицу.

Утро в Красноярске было сырым и промозглым. Улицы ещё не просохли после ночного дождя, и ноги утопали в грязи. Они шли к заводу — Анна быстрым, уверенным шагом, Алексей едва поспевал за ней. Вокруг уже двигались люди — женщины в телогрейках, мужчины в промасленных куртках. Все торопились, никто не смотрел по сторонам. В воздухе висел тот самый запах — мазута, дыма, металла. Он казался Алексею чужим, но уже начинал проникать в лёгкие, становиться привычным.

Проходная была как крепость: высокий забор с колючей проволокой, турникеты, охранники в серых шинелях. Анна показала пропуск, и Алексей показал свой — временный, на белой бумаге, с печатью. Охранник глянул на него лениво, кивнул и махнул рукой.

— Проходи, парень. Не задерживай.

Они вошли. За проходной открывалась территория завода — огромная, с рядами корпусов, с гудящими трубами, с колёсами и кранами, которые двигались словно сами по себе. Алексей замер на мгновение, глядя на эту махину. Всё здесь было большим, шумным, живым. Из открытых ворот цехов доносился грохот, лязг, свист.

— Не стой как столб, — сказала Анна, дёрнув его за рукав. — Пойдём, покажу.

Они пошли вдоль бетонной дорожки, мимо вагонов с углём, мимо цистерн, мимо штабелей каких-то ящиков. Наконец они остановились у цеха номер пять — большого, кирпичного, с высокими окнами, забранными решёткой. Анна толкнула тяжёлую дверь, и Алексей вошёл.

Запах ударил в нос сразу — резкий, маслянистый, тёплый. Это был запах раскалённого металла, смазки, пота и стали. В цехе гудели станки, свистели ремни, стучали молоты. Женщины в тёмных телогрейках стояли у станков, переговариваясь через грохот, и казались Алексею какими-то большими, сильными, неуязвимыми. Мужиков почти не было — лишь несколько пожилых, с сединой, да один парень в рваной рубаше, который тащил ящик с деталями.

— Сюда, — сказала Анна, и они подошли к небольшой комнате с застеклённой перегородкой. За столом сидел седой мужчина в очках и синей спецовке. На груди у него висела медаль — Алексей не разобрал какая. Он курил папиросу и что-то писал в журнале.

— Ефим Ильич, — сказала Анна, — привела я вам новенького. Брат мой, Алексей. Учеником электрика, как договаривались.

Ефим Ильич поднял глаза и снял очки. На Алексея смотрели выпцветшие, но живые глаза — светло-голубые, с прищуром. Он оглядел парня, чуть прищурился и хмыкнул.

— Так-так, — сказал он, убирая очки в карман. — Вожгалов, значит. Сестра у тебя боевая, слышал. Ну что, парень, боишься? Страшно?

Алексей хотел сказать «нет», но язык не послушался. Он сглотнул и выдавил:

— Немного, Ефим Ильич.

Старый мастер усмехнулся и затушил папиросу.

— Это правильно. Бояться надо. Электричество — не игрушка. Оно, брат, дураков не любит. Понял?

— Понял, — ответил Алексей.

— Вот и ладно. — Ефим Ильич встал, взял со стола потёртую фуражку и надел её на голову. — Ну, покажу тебе твоё хозяйство. Пойдём.

Они вышли из комнаты и пошли вдоль цеха. Женщины у станков бросали на Алексея короткие взгляды — кто любопытный, кто равнодушный. Алексей чувствовал эти взгляды спиной, и ему было неловко. Он шёл за Ефимом Ильичом, стараясь не смотреть по сторонам.

— Вот, — сказал мастер, останавливаясь у большого железного шкафа. — Это щиток. Распределительный. Вся проводка цеха — через него. Сейчас я открою, ты глянешь, но трогать — не смей. Пока только смотреть и запоминать.

Он открыл дверцу, и Алексей увидел ряды рубильников, проводов, предохранителей. Всё это было сложным, запутанным, словно паутина. Алексей почувствовал, как сердце ушло в пятки. Ему казалось, что одно неверное движение — и всё взорвётся.

— Чего побледнел? — усмехнулся Ефим Ильич. — Боишься, что ударит? Не бойся. Ток — он ведь как зверь. Чувствует страх. Если боишься — он тебя и укусит. А если ты спокоен — он тебя слушается. Ты, парень, не бойся. Ты учишься. Руки-то у тебя большие — будет ловкость.

Он закрыл щиток и повернулся к Алексею.

— Ты вот что: приноси завтра книжку свою учебную, я тебе задания распишу. А пока — ходи, смотри, запоминай. Если что не понятно — спрашивай. Люди у нас хорошие, помогут. Только не лезь, куда не зовут. Уяснил?

— Уяснил, — сказал Алексей, вытирая пот со лба.

Ефим Ильич похлопал его по плечу — тяжело, по-отечески — и ушёл, оставив Алексея у щитка.

Цех гудел. Алексей стоял и смотрел, как медленно вращаются лопасти вентилятора под потолком, как женщины проворно орудуют у станков, как искры летят из-под резцов. Запах металла смешивался с запахом пота и махорки. Всё здесь было чужим, незнакомым, и Алексей чувствовал себя потерянным.

— Эй, парень! — крикнула ему женщина от станка. — Ты что стоишь, как истукан? Сядь, отдохни.

Он оглянулся и увидел её: невысокую, круглолицую, в замасленной телогрейке. На голове у неё была косынка, волосы выбивались с боков. Она улыбалась добродушно.

— Ничего, — сказал Алексей, смущаясь. — Я это... привыкаю.

— Привыкай, привыкай, — засмеялась она. — Ты, главное, не робей. Тут все свои.

Он кивнул и отошёл в сторону. Прошёл мимо станков, мимо женщин, которые переговаривались, не останавливая работы. Потом он вышел из цеха и остановился у двери, глядя на заводской двор.

Солнце поднималось выше, и дым из труб казался золотым. Где-то вдалеке свистел паровоз. Алексей глубоко вздохнул и почувствовал, как запах завода проникает в него, становится частью его. Он думал о доме, о матери, о поле, которое они убирали вместе. Там было спокойно, тихо, понятно. А здесь — гул, грязь, женщины в телогрейках, щитки и провода. Он не знал, сможет ли привыкнуть.

Но он знал, что должен.

Смена кончилась в шесть. Женщины выходили из цеха уставшие, но оживлённые — они говорили о каких-то планах, о карточках, о том, что скоро выдадут новые талоны. Алексей шёл позади всех, чувствуя себя уставшим до ломоты в ногах. Он ничего не делал — просто смотрел, но даже это утомляло.

— Вожгалов! — услышал он голос сзади. Он обернулся — за ним стояла девушка. Невысокая, круглолицая, с простым русским лицом и серыми глазами. Она улыбалась ему робко, держа в руках потёртую кружку.

— Ты новенький, да? — спросила она. — Я видела тебя в цехе. Меня Лида зовут. Лидия Куприна. Из соседнего цеха, с токарного.

— Алексей, — сказал он, чувствуя, как краснеет. — Я — электрик ученик.

— Знаю, — засмеялась она. — Видела. Ты высокий такой... на щитке стоял, бледный весь. Не бойся, привыкнешь.

Она протянула ему кружку.

— На, попей. Чай с шиповником. Женщины из общаги заваривают. Холодно ведь.

Алексей взял кружку, ощутив в руках тепло. Он поднёс её к губам — напиток оказался горьковатым, но тёплым, и от него разливалось по телу приятное тепло.

— Спасибо, — сказал он.

Лида улыбнулась шире. У неё были ямочки на щеках — маленькие, светлые, и от этой улыбки всё лицо её стало добрым, почти детским. Она стояла перед ним в сером пальто, перехваченном поясом, и в её глазах было столько тепла, что Алексей на мгновение забыл о своей усталости.

— Ну что ты, — сказала она. — Не за что.

Они стояли у проходной, и мимо них проходили люди, кто-то здоровался с Лидой, кто-то оглядывался на Алексея. Он чувствовал себя неловко, но в то же время приятно. Впервые за день он почувствовал, что здесь есть кто-то, кто видит в нём человека, а не просто «ученика электрика».

— Ты, — сказала Лида, чуть наклонив голову. — Ты с утра завтра будешь? Опять в цехе?

— Буду, — ответил Алексей. — Ефим Ильич сказал — приносить книжку.

— Тогда до завтра, — сказала она. — Я утром чай варю. Если хочешь — приходи. Пить будем.

Она улыбнулась ещё раз, повернулась и пошла к общежитию. Алексей смотрел ей вслед, держа в руках пустую кружку. Сердце его билось чаще обычного. Он вдруг понял, что эта девушка — Лида — первая, кто посмотрела на него так, как смотрят на мужчину. Она не видела в нём мальчика. Она видела — человека.

— Леха! — раздался голос Анны. Она шла к нему от проходной. — Ты что стоишь? Иди домой, ужинать надо.

Он обернулся, спрятал кружку за спину и пошёл к сестре. Анна, взглянув на него, прищурилась.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Да так, — сказал Алексей, чувствуя, как горит лицо. — Лида дала. Чай попить.

Анна не сказала ни слова, но в её взгляде мелькнуло что-то — то ли настороженность, то ли одобрение. Она взяла его за руку и повела к дому.

— Хорошо, — сказала она коротко. — Пьёшь чай — и ладно. Только помни: работа — на первом месте.

Алексей кивнул. Он шёл рядом с сестрой и думал о Лиде — о её улыбке, о её ямочках на щеках, о том, как она смотрела на него. И впервые за этот долгий, тяжёлый день ему стало легче.

— Ну что, — сказал он тихо самому себе, — может, и правда — не так тут всё страшно.

Завод гудел за спиной, и в этом гуле ему слышалось что-то новое — почти музыкальное.

Глава 3. Доска

Сентябрь 1945 года

Сентябрь в Красноярске выдался холодным и ветреным. Небо висело низкое, серое, словно натянутая дерюга, и по нему непрерывно плыли тяжёлые облака, обещая дожди. По утрам земля покрывалась инеем, и трава на обочинах хрустела под ногами, как битое стекло. Заводские трубы дымили гуще обычного — осенью воздух становился плотнее, и дым не поднимался вверх, а стелился по земле, смешиваясь с туманом, который поднимался от Вятки.

Дни становились короче. Рабочие выходили из цехов уже в сумерках, и электричество в заводских фонарях зажигалось раньше, чем обычно. Осень 1945-го была особенной — послевоенной, голодной, но всё-таки свободной. Война кончилась, и люди, наконец, могли выдохнуть, хотя карточки на хлеб ещё не отменили, и мясо в магазинах было редкостью. Но главное — кончился страх, что завтра утром придёт похоронка.

Алексей уже не чувствовал себя чужим на заводе. За месяц, прошедший с его первого дня, он втянулся. Теперь он просыпался до звонка будильника, сам заваривал чай, надевал спецовку и шёл на работу, не оглядываясь. Щиток перестал быть для него страшным зверем — он стал его инструментом, его хозяйством. Он научился разбираться в проводах, в предохранителях, в рубильниках. Ефим Ильич сначала проверял его, придирчиво оглядывал каждое соединение, но потом стал просто кивать, когда Алексей докладывал о сделанном.

— Ничего, — говорил старый мастер, — парень башковитый. Из тебя выйдет толк.

Алексей работал без брака. Это было главное. В цехе, где каждая минута на счету, где любая ошибка могла остановить конвейер, это ценилось. Женщины у станков привыкли к нему, подшучивали по-свойски, иногда подзывали к себе, чтобы помог перенести ящик с деталями или подкрутить что-то. Он делал это молча, без лишних слов, за что его ещё больше уважали.

Лида тоже заглядывала к ним в цех — якобы «по делу», но на самом деле просто поговорить. Она приносила чай, а иногда и кусочек сахара — редкую ценность в то время, — и они пили его на скамейке у входа, болтая о разном. Алексей видел её иначе, чем в первый день: теперь он замечал, как у неё розовеют щёки от холода, как она кутается в старую шаль, как смеётся, запрокидывая голову, и от этого смеха её серые глаза становились почти синими. Но сказать ей об этом он не решался.

— Лида, — сказал он однажды, глядя на неё. — Ты почему всегда с нами чай пьёшь? У тебя что, своих дел нет?

Она засмеялась.

— А мне что, нельзя? Я ведь старше тебя, между прочим. Мне можно.

— Да я не про то, — смутился Алексей. — Я просто...

— Не просто, — перебила она. — Ты думаешь, я не знаю, что ты краснеешь, когда я прихожу? Я знаю.

Она подмигнула ему и ушла, оставив его сидеть на скамейке с чувством, что его только что разоблачили.

В середине сентября Ефим Ильич вызвал Алексея в свою комнату. Алексей шёл с лёгким волнением — вдруг что-то случилось? Он постучал, вошёл и увидел мастера за столом. Тот курил папиросу и смотрел на него поверх очков.

— Закрывай дверь, — сказал Ефим Ильич. — Есть разговор.

Алексей прикрыл дверь и встал перед столом, стараясь стоять прямо.

— Ты, парень, уже полтора месяца как у нас, — начал мастер. — Посмотрел я на тебя. Работаешь хорошо. Без брака. Люди о тебе отзываются неплохо — у нас, знаешь, это редкость. Алексей молчал, чувствуя, как внутри поднимается тепло.

— У меня к тебе предложение, — продолжал Ефим Ильич. — На Доску Почёта тебя поставим.

Алексей моргнул. Он не сразу понял, что сказал мастер. Доска Почёта — это было что-то невозможное, что-то для настоящих героев, для лучших из лучших. Он — ученик, новичок — и вдруг на Доску?

— Ефим Ильич, — сказал он неуверенно. — Я же только...

— Ничего, — махнул рукой мастер. — Заслужил. Дисциплина у тебя железная, работаешь без нареканий. И людям нравишься — это тоже важно. На заводе, брат, не только работа важна. Коллектив — это сила. А ты в коллектив вписался.

Он затушил папиросу и поднялся.

— Завтра фотограф приедет. Приходи в чистой спецовке. И галстук принеси, если есть. Сделаем тебя героем.

Алексей вышел от Ефима Ильича как в тумане. Он ничего не слышал вокруг — ни гула станков, ни женских голосов. Перед глазами у него стояла Доска Почёта — та самая, что висела у проходной, с портретами лучших рабочих, с золотыми буквами, с именами. Он думал: «И я там буду».

Вечером он рассказал Анне. Сестра, услышав новость, подскочила с места и обняла его — крепко, по-хозяйски, почти задушив.

— Вот видишь! — воскликнула она, не скрывая радости. — Я же говорила тебе! Я говорила, что у тебя получится! Ты — наш, Леха. Вожгальская порода. Мы не подводим.

Она налила ему чаю, поставила на стол гранёную кружку с облупившейся эмалью и села напротив. Глаза её сияли.

— Мать будет гордиться. Я ей напишу. Она же не верила, что ты сможешь. А ты — на Доску! Теперь тебе прямая дорога в партийные.

— Анна, — сказал Алексей смущённо. — Я же просто ученик.

— Ученик — не ученик, — отрезала она. — Ты — человек, который работает. И который делает это лучше других. Это и есть настоящая гордость.

Потом она вдруг посерьёзнела, наклонилась к нему и заглянула в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.